

INSPIRIA

страшно сказать

когда
молчание
ребенка
говорит
громче
слов

Кэти Гласс

INSPIRIA

Кэти Гласс
Страшно сказать. Когда
молчание ребенка
говорит громче слов
Серия «Ток. Не говори никому.
Про жуткие семейные тайны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71905528

Страшно сказать. Когда молчание ребенка говорит громче слов:

ISBN 978-5-04-223272-5

Аннотация

Реальная история шестилетнего мальчика, скрывающего тяжелую тайну.

Школьная учительница Оскара бьет тревогу. Мать мальчика за границей, а сам он брошен на произвол судьбы под присмотр сомнительных «друзей». В школу он приходит голодным, неухоженным, с синяками, покрывающими руки, ноги и тело. Опытная приемная мать Кэти Гласс берется опекать мальчика, но с каждой неделей ее тревога лишь растет. Оскар слишком молчалив для шестилетнего ребенка, и в его глазах читается страх – перед чем-то или кем-то. И кто эти мужчины, что наблюдают за ним из машины у школы?

Автор книги Кэти Гласс – не просто писательница, а приемная мать с более чем двадцатипятилетним стажем, специалист по детям с особыми потребностями. Обладая степенью в области образования и психологии, она превращает свой опыт в книги, помогая читателям понять скрытый мир детских травм.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	31
Глава четвертая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кэти Гласс

Страшно сказать

Когда молчание ребенка говорит громче слов

*Каждый третий ребенок, подвергающийся
сексуальному насилию, никогда о нем не
рассказывает.*

© Пизинцали Я.И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление, ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2025

Cathy Glass

TOO SCARED TO TELL: AFRAID AND ALONE,
OSKAR HAS NO ONE. A TRUE STORY

First published by HarperElement 2020 © Cathy Glass
202 °Cathy Glass asserts the moral right to be identified as the
author of this work

Глава первая

Под прицелом

– Я кошмарно себя чувствую, – заплакала молоденькая учительница. – Дядя Оскара на меня зол, сам он рыдает, а теперь мальчика заберут в какую-то чужую, странную семью.

– Возможно, это ненадолго, – откликнулась я. – Всего лишь до возвращения его матери. И мы не такие уж странные, – добавила, пытаясь поднять ей настроение.

– Ну нет, конечно, я не это хотела сказать, – проговорила она, выдавив слабую улыбку сквозь слезы. – Я уверена, что вы прекрасная семья, но у вас он не будет у себя дома, согласитесь.

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы он чувствовал себя, как дома, – заверила я, успокаивающе касаясь ее руки.

Эрика Джордан, учительница Оскара, винила себя в том, что Оскар попал в программу патронажного воспитания.

– Это же не вы решили поручить Оскара заботам приемных родителей, – напомнила я.

– Нет, но я записала все, что он мне рассказал, и сообщила директрисе.

– И поступили правильно, – заявила я. – Вы действовали в соответствии с процедурой. Что, если бы вы не сообщали о том, что тревожит вас, и с Оскаром случилось бы что-то

страшное? Подумайте, что вы чувствовали бы тогда.

– Я ни за что не простила бы себе. Извините, – вытирая слезы, произнесла она. – Я преподаю всего второй год, и мне прежде не приходилось сталкиваться ни с чем подобным.

– Я понимаю, и поверьте, вне зависимости от того, сколько у вас опыта, такое всегда печально. Всегда неприятно видеть, как детей забирают из дома, но иногда это необходимо ради их безопасности.

– Судя по тому, что мне рассказывал Оскар, непохоже, чтобы у него был настоящий дом, – признала мисс Джордан.

– Нет, но, чтобы понять, что именно происходило с мальчиком, социальные службы проведут тщательное расследование. Я много лет работаю с приемными детьми и знаю, что, когда ребенок постоянно является в школу неухоженным и настолько голодным, что вынужден воровать еду – как Оскар, – это означает, что в семье о нем не заботятся. Из чего, однако, не следует, что он останется на нашем попечении навсегда. Он будет с нами, лишь пока социальные службы не убедятся, что, отправившись домой, мальчик окажется в хороших руках.

Голод и неухоженность стали не единственными причинами, по которым шестилетнего Оскара отправляли под мою опеку. Он был бледным, замкнутым и таким вымотанным, что засыпал в классе, а иногда появлялся в школе с синяками, покрывающими руки и ноги.

В эту школу Оскар пришел в январе, четыре месяца назад,

и с самого начала многое в нем и его поведении тревожило мисс Джордан, о чем она, – что было абсолютно верно, – общала директрисе.

Хотя в школу Оскара записала мать, его приводили и забирали разные «дяди», иногда появляясь очень поздно. Будучи уроженцами Восточной Европы, Оскар и его мама, тем не менее, хорошо говорили по-английски. Однако дяди утверждали, что не владеют этим языком вовсе.

Мисс Джордан также рассказала мне, что представители школы неоднократно назначали его семье встречи, чтобы поговорить о том, что волнует учителей и директора, но никто из родных Оскара так и не появился.

Сейчас, на второй день в школе после пасхальных каникул, Оскар пришел очень поздно, голодный, в слезах и с воспаленной красной отметиной на лице. Человек, высадивший его у входа в школу, сразу уехал, тогда как опоздавшие должны были завести детей внутрь и отметить их в списке.

Директриса, теперь еще сильнее обеспокоенная благополучием мальчика, попросила мисс Джордан, у которой с Оскаром сложились добрые отношения, поговорить с ним с глазу на глаз и узнать о его состоянии как можно больше. Директриса, со своей стороны, связалась с социальными службами.

Сперва неохотно говоривший о том, что происходило у него дома, Оскар в конце концов рассказал мисс Джордан, что большую часть двухнедельных каникул его мать отсут-

ствовала, и он оставался на попечении дядей. Оскар сказал, что отметина на его щеке – от пощечины, которую дал ему дядя тем утром за то, что мальчик не сделал того, что от него хотели.

Безуспешно попытавшись связаться с матерью Оскара, сотрудники социальных служб, считавшие, что мальчику не стоит возвращаться домой, запросили у суда приказ о срочных мерах защиты, чтобы отправить Оскара под временную опеку. Тогда же мне позвонила социальный работник – моя супервизор Эдит, – сказав, чтобы я готовилась взять Оскара, если распоряжение суда будет получено. В полдень Эдит позвонила снова и сообщила, что приказ выдали и в три часа мне нужно быть в школе Оскара, чтобы забрать его.

Было около четверти пятого, большая часть детей ушла домой. Мы с мисс Джордан сидели в ее классе, а Оскар, его социальный работник, директор школы и дядя Оскара, приехавший, чтобы забрать его, сидели в соседнем. Также с ними была помощница учителя, выполнявшая роль переводчика для дяди. Было настоящей удачей, что она знала язык его страны, так как много лет назад приехала оттуда же.

Я рассталась с приемными детьми, о которых заботилась перед этим, Молли и Кит, несколько дней назад, при очень печальных обстоятельствах. (Их историю я рассказываю в «Невинных».) Зная, что приемных родителей всегда не хватает и моя комната для гостей никогда не остается пустой надолго, я как следует убрала ее и практически сразу приго-

товила для следующего ребенка.

Когда уходят дети, которых ты любишь и о которых заботишься, это вызывает странное чувство. Похоже на маленькую смерть. Но как приемный родитель ты должен быть смелым и стойким, напоминая себе, что сделал все, что от тебя зависело, и теперь дети могут вернуться домой или отправиться в любящую семью, смогут идти дальше по жизни. Хотя история у каждого из этих детей своя, объединяет их одно: им требуется море любви, понимания, доброты и утешения.

Последнее нужно было и мисс Джордан. Сейчас, когда я сказала ей, что социальный работник Оскара обязательно организует для мальчика возможность общаться с матерью, учительница выглядела чуть повеселевшей. Пока мы с ней беседовали в ожидании, когда социальный работник завершит встречу в соседнем классе, у меня зазвонил телефон: Эдит, мой супервизор.

– Я отвечу, – сказала я мисс Джордан.

– Да, конечно.

– Вы забрали Оскара? – спросила Эдит.

– Я сейчас в его школе. С ним его социальный работник.

Мне позвонить вам, когда я вернусь домой?

– Да. Оставьте голосовое сообщение, если я не возьму трубку, и поговорим завтра.

– Хорошо. – Иногда Эдит информировала меня о том, что происходит в процессе передачи ребенка на попечение патронажной службы, но чаще, наоборот, я информировала ее.

Роль Эдит в качестве супервизора заключалась в том, чтобы наблюдать за работой приемных родителей (за которых она отвечала во всех аспектах), поддерживать, давать советы и направлять.

Едва я завершила разговор и положила телефон обратно в сумку, дверь класса отворилась, и появился высокий светловолосый мужчина за тридцать. За ним шел маленький мальчик.

– Оскар, милый, – немедленно встав и направившись к мальчику, сказала мисс Джордан.

Я тоже подошла.

– Я Эндрю Холмс, социальный работник Оскара, – обратился ко мне мужчина. С Эрикой Джордан он, должно быть, был уже знаком.

– Кэти Гласс, временный приемный родитель, – ответила я, улыбнувшись Оскару.

– Это та леди, о которой я тебе говорил, – объяснил Оскару Эндрю.

– Привет, Оскар, – мягко сказала я. Сердце у меня разрывалось от сочувствия. Оскар был бледным, щуплым, слишком маленьким для своего возраста. Глаза его покраснели от слез. Он посмотрел на меня, застыв. Из-за мертвенной бледности кожи синяк на щеке выделялся сильнее.

– Ты в порядке, Оскар? – садясь на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с мальчиком, спросила мисс Джордан. Он едва заметно кивнул, расширившимися глазами

встревоженно глядя на нее. – Кэти будет заботиться о тебе несколько дней, пока не вернется твоя мама, – сказала мисс Джордан. Я понимала, что она делала, что могла, чтобы утешить его, но годы приемного родительства научили меня быть осторожной с тем, что мы говорим детям, и не давать им ложной надежды.

– Увидимся завтра, – заключила мисс Джордан, вставая.

– Оскар завтра должен быть в школе? – уточнила я у Эндрю. Обычно на следующий день после того, как их отправляли под опеку, дети шли в школу, – чтобы не нарушать привычный распорядок и сохранить ощущение стабильности мира вокруг них.

– Да, почему нет, – ответил Эндрю.

– Ты встретишься со своей учительницей завтра, – сказала я Оскару, вновь ободряюще улыбнувшись. Он уставился на меня, растерянный и сбитый с толку.

– Мистер Новак – тот человек, который приехал забрать Оскара, – говорит, что может связаться с матерью мальчика, – обратился Эндрю ко мне и мисс Джордан. – Он собирается позвонить ей и попросить набрать меня. Когда мы общаемся, у меня будет больше информации о том, какова обстановка у них дома.

– Оскар будет видеться со своими дядями? – уточнила я. Мне нужно было знать это на случай, если кто-нибудь из дядей подойдет ко мне у школьных ворот.

– Нет, пока я не поговорю с его матерью и не составлю

достаточно ясное представление о том, что происходит в семье, – сказал Эндрю. – Насколько я понимаю, никто из «дядей» не связан с Оскаром узами родства и никто, за исключением его матери, не несет за него ответственности.

Это само по себе было довольно тревожным и оказалось новостью для мисс Джордан.

– Я думала, они действительно его дяди, – явно обеспокоенная, проговорила она. – Я уверена, что, когда его мать записывала Оскара в школу, она сказала именно так.

Уклончиво кивнув, Эндрю обратился ко мне:

– Я постараюсь достать одежду Оскара, однако все, что есть сейчас, – то, что на нем. – Подобное не было необычным. Чаще всего, если ребенка срочно забирают из семьи, он остается в чем был.

– У меня большие запасы одежды, – сказала я.

– Его пальто здесь, – проговорила мисс Джордан, пройдя через комнату, чтобы забрать пальто с вешалки.

– Я уезжаю прямо сейчас? – тихо спросил Оскар.

– Да, скоро, – ответил Эндрю. Затем сказал, обращаясь ко мне: – Я передам вам документы на перемещение ребенка, как только они будут готовы. – Как правило, документы приходили до того, как ребенок переезжал ко мне, или же вместе с ним, если его передача в приемную семью планировалась заранее, но в обстановке срочности, как сейчас, на это не было времени. – Насколько известно мистеру Новаку, у Оскара нет ни на что аллергии и мальчик не придерживается

никакой особой диеты. Также у него нет особых культурных потребностей, – добавил Эндрю. – Такого рода информация содержится в документах на перемещение. – Надеюсь, когда поговорю с матерью Оскара, я узнаю что-нибудь еще.

– Хорошо, – сказала я. Столь малое количество информации было привычно, но тревожило, так как означало, что я легко могла упустить что-то жизненно важное при уходе за ребенком. – Он не принимает никаких лекарств? Ему не нужен ингалятор от астмы?

– Нет, насколько мы знаем, – ответил Эндрю.

– В школу он ничего такого не приносил, – проговорила мисс Джордан, помогая Оскару надеть пальто.

– Вы теперь моя мама? – спросил Оскар свою учительницу; его нижняя губа задрожала. На глазах у мисс Джордан немедленно вновь выступили слезы.

– Мисс Джордан – твоя учительница, – мягко сказала я. – Я – твой временный приемный родитель. Я буду заботиться о тебе, и ты будешь жить у меня дома. Здесь недалеко, если ехать на машине. У тебя будет собственная спальня, и мои взрослые дети будут тебе помогать. И у нас есть кот. Ты любишь кошек?

– Я позвоню вам завтра, – сказал Эндрю.

Я попрощалась с ним и мисс Джордан, и мы с Оскаром вышли из класса. Пока мы шли к выходу из школы, я держала его за руку, не переставая доброжелательно разговаривать с ним.

Благослови его Господь, – шесть лет от роду и всего несколько месяцев в нашей стране, а теперь отправляется жить со мной в «странном доме», как выразилась мисс Джордан. Я почувствовала, как ладонь Оскара сжимает мою. Хотя я делала все возможное для того, чтобы утешить его, я знала, насколько потерянным и одиноким он должен был себя чувствовать.

Была половина шестого, и сейчас, в апреле, на улице все еще было светло. Мы прошли по тротуару к моей машине. Рядом были припаркованы другие автомобили, и, когда мы приблизились к моему, Оскар внезапно остановился и посмотрел через дорогу. Проследив за его взглядом, я увидела черную машину, припаркованную прямо напротив моей. В ней на передних сиденьях расположилось двое мужчин. Оба, казалось, наблюдали за нами.

– Ты знаешь этих людей? – спросила я Оскара, открывая свою машину.

Оскар не ответил; он стоял, застыв на месте, уставившись на черный автомобиль, и выглядел обеспокоенным.

– Оскар, милый, садись, – сказала я, открыв заднюю дверцу.

Он повиновался молча. Наклонившись, я застегнула его ремень безопасности. Оскар вытянул шею, чтобы посмотреть на черную машину. Закрыв дверцу с его стороны, я обошла авто и села на место водителя. Затем снова оглянулась. Теперь те двое разглядывали меня.

– Ты знаешь этих людей? – опять спросила я Оскара и повернулась к нему.

– Нет, – ответил он. Но по его тону и по тому, насколько обеспокоен, если не испуган он был, я догадалась, что это неправда.

– Со мной ты в безопасности, – сказала я, однако, прежде чем завести мотор, заблокировала дверь, так что ни одну из них стало невозможно открыть снаружи. В моих действиях не было ничего параноидального: я не имела представления о том, кто те мужчины, почему они так интересовались нами и почему Оскар так их боялся. Будь он из большой семьи, я могла бы предположить, что речь идет о его родственниках, которые хотели увидеть, куда его забирают. Подобное прежде случалось как со мной, так и с другими приемными родителями. Ребенка отправляют под опеку приемного родителя, адрес которого не разглашается, и кто-то из членов родной семьи может преследовать приемного родителя, когда тот забирает ребенка из школы. Но, насколько я знала на тот момент, у Оскара не было никого, кроме матери, а она в отъезде. Возможно, мужчины в черной машине – какие-то из его «дядей», но тогда почему он отрицает, что знает их? У меня не было никаких догадок по поводу того, кем в таком случае они могут быть.

Когда я тронулась с места, черная машина осталась там, где стояла. Несмотря на это, я постоянно поглядывала в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что нас не преследуют.

Но никаких следов черного автомобиля по пути до моего дома я не заметила.

По дороге я поговорила с Оскаром, рассказав ему о своей семье и заверив его, что ему не о чем беспокоиться. Он сидел очень тихо, неподвижно, в основном глядя в окно. Невозможно было понять, о чем он думает и что чувствует. Из того немногого, что он сказал, было ясно, что его английский очень хорош – удивительно хорош, учитывая, что он живет здесь всего несколько месяцев. Мы приехали домой почти в пять, и, пока парковалась, я снова спросила Оскара:

– Можешь предположить, кто те мужчины?

– Нет.

Я решила оставить эту тему. Чего я тогда не знала, так это того, что мне придется вернуться к ней очень скоро.

Глава вторая

Встревоженный

Когда мы приехали, дома была только моя младшая дочь Паула. Ей двадцать один год, и она обучается бизнесу в местном колледже. Она часто приходит раньше других моих детей – двадцатипятилетнего Адриана и двадцатитрехлетней Люси, которые оба работают. Услышав, как поворачивается ключ в замке входной двери, Паула вышла в холл поприветствовать нас.

– Мама, я получила твое сообщение. Здравствуй, Оскар, – сказала она жизнерадостно. У нас с детьми есть семейная группа в WhatsApp¹, в которой мы отправляем друг другу сообщения, в значительной степени заменившие бумажные записки. Некоторое время назад я написала, что к нам приедет Оскар и останется. Поскольку мои дети росли с человеком, который занимается временным приемным родительством, подобные вещи их не удивляют: они привыкли, что в доме неожиданно появляются дети и молодые люди.

– Это моя дочь Паула, – помогая Оскару снять пальто, сказала я. Оскар взглянул на Паулу с той же смесью страха и замешательства, с которой смотрел на меня.

¹ Meta.Inc является экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.

– Приятно познакомиться, Оскар, – сказала Паула с улыбкой.

– Он сейчас немного притих, – заметила я, не дождавшись от Оскара ответа.

– Все нормально, он привыкнет к нам. – Паула послала Оскару еще одну ободряющую улыбку.

Тут в холле появился Сэмми, наш кот из приюта, желая посмотреть, кто вторгся на его территорию. Когда мы взяли его, он был немного диковат, но сейчас можно было быть уверенным, что он не съест детей.

– Ваша кошка, – глядя на Сэмми, сказал Оскар.

– Да, его зовут Сэмми, – ответила я. – Хочешь его погладить?

Оскар выказал столь же мало желания приветствовать Сэмми, как и сам Сэмми по отношению к нему. Паула взяла кота и поднесла к Оскару. Тот неуверенно погладил животное.

– Ты нравишься Сэмми, – произнесла Паула, и встревоженное выражение на лице Оскара, в конце концов, сменилось слабой улыбкой. Я вздохнула с облегчением.

Оскар еще немного погладил кота, после чего Сэмми, слегка потеряв терпение, вырвался из объятий Паулы и исчез в глубине холла. Оскар посмотрел ему вслед, но не попытался пойти за ним, как сделал бы любой другой ребенок.

– Давай разуемся, – сказала я, расстегивая липучки на его ботинках. Я помогла ему снять обувь и оставила ее в холле

вместе с нашей. Ботинки Оскара, как и его одежда, были в ужасном состоянии, что было не редкостью для детей, с которыми я работала.

Уходя, чтобы забрать Оскара из школы, я оставила в гостиной несколько коробок с игрушками. Я знаю, что игра часто отвлекает ребенка от тревог и позволяет расслабиться и почувствовать себя дома.

– Пойдем поищем, во что ты можешь поиграть, – с энтузиазмом сказала я. – Или, может, ты хочешь перекусить до ужина?

Оскар покачал головой. Я взяла его за руку, и мы пошли в гостиную. Она находится в задней части дома, большими стеклянными дверьми выходя в сад.

– Хочешь поиграть? – подходя к коробкам с игрушками, ободряюще спросила Оскара Паула.

Оскар посмотрел на коробки, затем на меня.

– Где я должен спать? – встревоженно спросил он.

– У тебя будет своя спальня наверху, – ответила я. – Сейчас еще не время ложиться, но, возможно, ты хочешь посмотреть свою комнату?

Оскар кивнул.

– Хорошо, – сказала я. Для ребенка возраста Оскара было немного необычно проявлять больше интереса к своей комнате, чем к игрушкам. Желание поскорее расслабиться и остаться наедине с собой в своей спальне свойственно подросткам, но не маленьким детям.

– Я приготовлю ужин? – спросила у меня Паула. – Я проголодалась.

– Да, пожалуйста. В холодильнике запеканка, просто поставь ее в духовку.

Паула отправилась на кухню, а я повела Оскара наверх. Все дети по-разному реагируют на стресс от того, что оказываются под опекой. Некоторые ведут себя очень шумно и вызывающе, тогда как другие, как Оскар, тихи и замкнуты. Последнее беспокоит больше, так как говорит о том, что ребенок загоняет внутрь свою боль, вместо того чтобы проявить ее.

– Волноваться не о чем, – сказала я Оскару, пока мы шли по коридору до его спальни. Он держал меня за руку – буквально вцепившись в нее. – Дома у тебя есть своя комната? – спросила я, пока его настороженный взгляд блуждал по спальне. Оскар растерянно посмотрел на меня.

– Может, ты делишь спальню с кем-то еще? – обычно подобная информация есть в документах на перемещение, когда изъятие ребенка из родной семьи планируется заранее. Будь они у меня, я могла бы узнать, как Оскар жил у себя дома, и, следовательно, лучше понимать его потребности и подготовиться к его приезду. Например, если ребенок прежде делил комнату с братьями и сестрами, в первые несколько ночей на новом месте, когда ему придется спать одному, ему может понадобиться большая поддержка.

– Я сплю с мамочкой, – сказал Оскар.

– Хорошо, – ответила я, хотя не ожидала от ребенка его возраста, что он будет спать с родителями.

– А еще с Марией, Эланою и Алиной, – добавил Оскар.

– Кто это? – озадаченно спросила я.

Оскар пожал плечами.

– Они твои сестры?

Оскар покачал головой.

– Двоюродные сестры? Подруги?

Он снова пожал плечами, при этом вид у него был такой обеспокоенный, что я предпочла не продолжать эту тему. Возможно, Оскар просто сбит с толку всеми происшедшими в его жизни переменами. И все же мне нужно сказать о том, что я услышала, его социальному работнику. Эндрю проверит дом Оскара и увидит, в каких условиях спал мальчик, прежде чем Оскар вернется на попечение матери.

– У нас прекрасный большой сад, – сказала я, подводя Оскара к окну. Его спальня была расположена в задней части дома и окнами выходила в сад. Роста Оскара хватало как раз на то, чтобы заглянуть за подоконник. – Ты можешь играть там в хорошую погоду. А еще рядом с нашим домом есть парк.

Оскар отвернулся от окна, чтобы осмотреть комнату.

– Тебе нравится? – спросила я. Он не ответил. – Когда мы принесем сюда твои вещи из дома, тебе здесь будет удобнее. – Снова никакого ответа. – Хочешь посмотреть весь второй этаж?

Оскар чуть заметно кивнул.

Его ладонь опять скользнула в мою, и я показала ему сначала туалет, спросив, не нужно ли Оскару им воспользоваться, но он ответил, что нет.

– Это комната Адриана, – сказала я, подходя к следующей за спальней Оскара двери. – Он уже взрослый, и ты сможешь познакомиться с ним позже, когда он придет с работы. – Я открыла комнату Адриана, позволив Оскару заглянуть внутрь. – Это наши собственные комнаты, личные, – добавила я. – Они только для нас. – Закрыв дверь Адриана, я двинулась дальше по коридору, открывая и закрывая двери спален девочек, дверь ванной и наконец своей спальни.

– Эта моя, – сказала я.

Оскар заглянул в комнату.

– Я буду спать здесь?

– Нет, милый, ты будешь спать в собственной комнате, той, куда мы зашли с самого начала. Если ночью я тебе понадоблюсь, просто позови, и я приду.

Оскар выглядел озадаченным. Он спросил:

– Вы спите одна?

– Да, я разведена. Ты знаешь, что это значит?

Он кивнул.

– Мамочка тоже разведена.

– Хорошо. Давай пойдем посмотрим, чем мы можем заняться, – закрывая дверь своей комнаты, проговорила я.

– Мне идти спать? – спросил Оскар.

– Сейчас для этого немного рано. Пойдем со мной вниз – мы можем поиграть, потом поужинаем, а после ты можешь пойти в кровать.

Оскар согласился с моим предложением, и, спустившись на первый этаж, мы пошли в гостиную, где Паула накрывала к ужину.

– Спасибо, милая, – сказала я ей.

– Мне нужно закончить кое-какую работу для колледжа, – проговорила она.

– Да, иди. Спасибо за помощь.

– Увидимся за ужином, – улыбнулась Паула Оскару и вышла.

Запеканка разогревалась в духовке и через полчаса должна была быть готова, так что я предложила Оскару пойти в гостиную и поиграть с игрушками. Он пошел со мной, покорный и уступчивый, однако не проявляя энтузиазма. Мы сели на пол у коробок с игрушками, и я принялась вынимать из коробок разные штуки, в надежде заинтересовать его. Оскар следил за мной, но не присоединялся. Меня это не слишком удивило. Могут пройти дни, если не недели, прежде чем он сможет расслабиться настолько, чтобы играть. Все дети разные.

– Ты понимаешь, почему оказался под опекой и будешь жить у меня? – спросила я его. Несмотря на то что его социальный работник должен был объяснить это и мы с Оскаром уже говорили об этом в машине, при том огромном количе-

стве информации, которую ему нужно было понять, при свалившихся на него стрессе и тревоге, легко было забыть то, что он услышал.

Оскар не ответил, и я сказала:

– Я – временный приемный родитель, и я живу здесь со своей семьей. Мы будем заботиться о тебе, пока твоя мама не может этого делать.

Я надеялась, что ребенок его возраста поймет, если происходящее описать таким образом. Мисс Джордан, учительница Оскара, говорила, что Оскар хорошо владеет английским и уровень его знаний выше среднего. Однако Оскар беспомощно взглянул на меня и спросил:

– Мамочка заботится обо мне?

– Да, думаю, да. Обычно о тебе заботится мама. – Такое впечатление сложилось у меня, и так же думали социальный работник Оскара и его учительница. Но Оскар казался озадаченным, и, поскольку мы очень мало знали о нем, я подумала, что следует прояснить ситуацию. – Твоя мама заботилась о тебе до того, как уехала? – спросила я.

– Заботилась? – повторил Оскар вопросительно.

– Да, готовила тебе еду, стирала одежду, играла с тобой?

– Нет. Может быть. Иногда, – ответил он, сбитый с толку.

– Кто еще о тебе заботился? – сказала я.

Оскар пожал плечами.

– Я не знаю, как их всех зовут.

– Это дяди, которые привозили тебя в школу?

– Иногда.

Теперь происходившее у Оскара дома казалось еще более сложным, чем думал его социальный работник. Большая часть детей, оказывающихся под опекой, формируют связь со своим главным воспитателем и лояльны к нему – как правило, это родитель или кто-то из родственников, – даже если этих детей покидают или плохо с ними обращаются. Часто из преданности главному воспитателю дети пытаются изобразить его в лучшем свете, чем он того заслуживает, но это не был случай Оскара. Казалось, Оскар не понимал самой концепции заботы о нем.

– Когда мама дома, готовит ли она для тебя еду, проводит ли с тобой время? – пытаюсь зайти с другой стороны и доставая из коробки игрушку, безмятежно спросила я.

– Она работает, – ответил Оскар, наблюдая за мной.

– Хорошо, но когда она не на работе, разве не она заботится о тебе?

Оскар опять пожал плечами – теперь он выглядел встревоженным, так что я снова решила сменить тему. Когда он почувствует себя более свободно, надеюсь, он расскажет больше.

– Не волнуйся, – сказала я. – Давай пойдем посмотрим, как там запеканка. – Предложив Оскару руку, я повела его в кухню, где он на безопасном расстоянии от горячей духовки ждал, пока я открывала дверцу и перемешивала запеканку.

– М-м-м, пахнет здорово, – проговорил Оскар.

– Отлично. Еще пятнадцать минут, и она будет готова. Что хочешь выпить?

– Воду, пожалуйста.

Я налила стакан воды и поставила на стол рядом с приборами Оскара. Мы стараемся сидеть на одних и тех же местах за обеденным столом, как и многие семьи. Я показала Оскару его место. Люси и Адриан должны были прийти с минуты на минуту, и я только начала рассказывать о них Оскару, когда услышала голос Люси.

– Привет, мам! – крикнула она, отчего Оскар вздрогнул.

– Тихо, Люси, – в ответ крикнула я. Люси ринулась в кухню.

– Привет, Оскар! – воскликнула она в восторге от встречи. Люси – профессиональный помощник в яслях, и я знаю, что иногда на работе ее просят слегка поумерить энтузиазм, но меня радует ее общительность и то, что она счастлива. Когда она попала ко мне в качестве приемного ребенка, замкнутая и страдающая расстройством пищевого поведения (история Люси изложена в книге «Ты будешь любить меня?»), все было совсем иначе. Она удивительно хорошо справилась со своими проблемами, и сейчас она член моей семьи. Я удочерила ее и люблю так же, как своих родных детей – Адриана и Паулу.

Сказав несколько слов Оскару, Люси пошла наверх переодеться. Пять минут спустя появился Адриан – гораздо менее эффектно. Войдя, он поздоровался с Оскаром, поцело-

вал меня в щеку и, спросив, как прошел мой день, отправился к себе переодеваться. Позволив им с Люси привести себя в порядок, я позвала всех ужинать. Я подала запеканку, и мы уселись есть.

Я всегда имею в виду, что первые несколько дней наш новый приемный ребенок может ощущать себя некомфортно. Он оказывается в окружении новых людей, знакомится с их – незнакомыми ему – привычками, и особенно это касается поведения за обеденным столом, когда люди сидят близко друг к другу, шумно обсуждая, как прошел их день. Люси развлекала нас смешными историями о ребенке в ее яслях, а Адриан немного рассказал о том, что происходило у него на работе (он бухгалтер-стажер). Паула поделилась новостями о колледже, а я – о приемном родительстве и канцелярской работе на неполный день, которой я в основном занимаюсь дома. Пока мы беседовали и ели, я наблюдала за Оскаром. Он, казалось, не возражал против всех этих разговоров или против того, что его окружали незнакомцы. Он поел хорошо, попросил добавки и съел пудинг. Его тревожность вновь проявилась позднее, после ужина, когда мы начали готовиться ко сну. Я прочла ему сказку на ночь в гостиной и в семь вечера сказала, что ему пора в постель.

– Я должен спать наверху? – спросил он.

– Да, милый, наши постели там.

– А можно я буду спать на полу внизу?

– Нет, это было бы очень неудобно, – ответила я. – Дома

ты спишь в кровати? – Мне прежде приходилось работать с приемными детьми, которые вынуждены были спать на диване или на матрасе на полу, так как у их семей не было денег на кровать.

Оскар ничего не сказал, однако пошел со мной в ванную, где я приготовила для него свежее полотенце, зубную щетку, мыло, мочалку, чистую пижаму и все остальное из моих запасов.

– Я не хочу принимать ванну, – сказал Оскар, когда мы вошли внутрь.

– Хочешь вместо этого принять душ? – спросила я.

– Нет. – Он снова сделался встревоженным.

– Хорошо, сегодня просто умойся как следует. Думаю, ты устал. Можешь принять ванну завтра. – Обычно я никогда не настаиваю, чтобы в первую ночь у меня ребенок принимал ванну или душ; предпочитаю подождать, пока он почувствует себя со мной более комфортно.

Я включила воду в раковине и подождала, пока Оскар умоется, осторожно касаясь щеки, на которой был синяк.

– Он должен сильно болеть, – сказала я.

Оскар пожал плечами. Я подумала, что мисс Джордан правильно поступила, заставив Оскара рассказать, как он получил эту отметину на лице. Он очень мало разговаривал со мной, но у мисс Джордан было четыре месяца, чтобы заслужить его доверие, а меня он знает всего несколько часов. Я надеялась, что со временем Оскар начнет верить мне и от-

кроется.

Оскар вымыл руки и почистил зубы, после чего я протянула ему его пижаму.

– Помочь тебе переодеться, или мне подождать снаружи? – проявляя уважение к его личному пространству, спросила я.

– Я хочу спать в моей одежде, – сказал Оскар, немедленно встревожившись. – Пожалуйста, позвольте мне спать в моей одежде. – Его глаза наполнились слезами.

По моей спине пробежала ледяная дрожь. Я надеялась, что ошибаюсь, но когда ребенок не хочет раздеваться, это может быть признаком того, что он подвергнулся сексуальному насилию.

Глава третья

Защищая Оскара

Обеспокоенная тем, как Оскар отреагировал на необходимость переодеться на ночь, я взяла его пижаму, и мы пошли в спальню. Определенно, я не стала бы заставлять его, но надеялась, что смогу уговорить переодеться и также узнаю причину, по которой он не хочет этого делать. Объяснение могло быть абсолютно невинным, хотя, будучи весьма опытным приемным родителем, я сомневалась, что это так.

На улице все еще было светло, и я спросила Оскара, любит ли он спать с задернутыми шторами, или их лучше слегка приоткрыть. В первую ночь у меня дома я всегда спрашиваю детей о таких вещах, как и о том, как им нравится их спальня. Подобные маленькие детали помогают им устроиться на новом месте, в чужой для них комнате.

Оскар ответил:

– Я сплю с задернутыми.

– Хорошо.

– Ты любишь спать с включенным или выключенным светом? Я могу приглушить свет немного, если хочешь. – Я подумала, что, если сделаю обстановку в его комнате более привычной для него, Оскар сможет почувствовать себя более защищенным.

Он не ответил, так что я показала ему, что имела в виду, выключив и включив свет, а затем приглушив его.

– Включить или выключить? – спросила я снова. – Или приглушить?

– У меня дома он часто включается и выключается, – сказал Оскар. – Я от этого просыпаюсь.

– Ты хочешь сказать, что свет мигает? – Я была слегка озадачена. Я подумала, что, возможно, он жил в густо застроенном районе, где фары машин светят в окно спальни, или, может, поздно ночью вспыхивает и гаснет неоновая вывеска.

– Они постоянно его включают, – проговорил Оскар.

– Кто?

– Люди в доме.

– О. Что это за люди, милый?

Он снова умолк. В приемном родительстве очень часто бывает, что ребенок неохотно делится личным, и приемные родители (и социальные работники) вынуждены стать детективами и осторожно выведывать у него информацию. Также нам нужно быть чуткими к ситуациям, когда ребенок начинает о чем-то рассказывать, поскольку то, что он в действительности пытается сказать, может оказаться неочевидным.

– Эта комната – твоя спальня, и здесь будешь спать только ты, – подчеркнула я, надеясь, что это поможет ему почувствовать себя в безопасности. – Я не буду входить в твою комнату и включать свет, если ты не захочешь. Ты можешь держать дверь открытой или закрытой – как тебе хочется.

Когда нужно будет вставать в школу, я постучу в твою дверь, чтобы разбудить тебя, и тогда ты можешь крикнуть: «Войдите!»

– Вы постучите в мою дверь, – повторил Оскар, словно он не понимал, что я имею в виду.

– Да, вот так. – Я вышла, приоткрыла дверь, постучала и сказала: – Это Кэти. Можно войти? И ты говоришь: «Да, входите».

Я показала ему еще раз, и на второй раз он отозвался:

– Да, входите.

– Прекрасно, – сказала я. – Молодец. Помни, это твоя комната. Ты здесь хозяин. Хорошо?

Он кивнул и, думаю, в этот момент начал осознавать, что будет здесь в безопасности, так как его лицо стало менее напряженным, и Оскар принялся рассматривать комнату. В отсутствие его вещей в ней было особо не на что смотреть: мебель, постеры на стенах. Я принесла сюда коробку с игрушками и несколько мягких игрушек. Сейчас Оскар немного расслабился, и я подумала, что могу попросить его переодеться. Мне правда нужно было переодеть его на ночь, чтобы выстирать его школьную форму, и к тому же, я не хотела, чтобы он привыкал к одежде, в которой ходил днем.

– Оскар, я подожду снаружи, пока ты переоденешься в пижаму и ляжешь. Потом, когда будешь готов, можешь сказать: «Войдите!» Не дожидаясь, пока он откажется, я вышла за дверь, прикрыла ее и постояла немного. Через несколько ми-

нут раздался тихий голос Оскара:

– Я в кровати. Вы можете войти. – Я улыбнулась.

Несмотря на разрешение, прежде чем войти, я постучала.

– Прекрасно, – сказала я, собрав одежду Оскара. – Я постираю ее, и завтра, когда ты пойдешь в школу, она будет готова.

– Вы отвезете меня в школу? – спросил Оскар; его личико выглянуло из-под одеяла.

– Да, и заберу тебя. А сейчас я хочу, чтобы ты попытался уснуть. У тебя был очень утомительный день. Поцеловать тебя на ночь? – Я всегда уточняю такие вещи, иначе подобное предложение может оказаться неприятным вторжением в личное пространство ребенка и напугать тех, с кем плохо обращались.

Оскар выглядел встревоженным. Он покачал головой.

– Все в порядке, поцелуй – это необязательно. Я просто пожелаю тебе спокойной ночи, и увидимся утром. Позови, если я тебе понадоблюсь. – Я уложила его и пошла к выходу. – Оставить дверь открытой, закрытой или немного приоткрытой? – спросила я его снова.

– Закрытой, – сказал Оскар.

– Хорошо.

Оставив свет в комнате приглушенным, я ушла, убежденная, что с Оскаром происходит гораздо больше, чем кто-либо из нас предполагал.

Спустившись вниз, я положила одежду Оскара в стиральную машину и проверила сайт его школы, чтобы уточнить, во сколько начинаются и заканчиваются занятия. Затем я занялась записями в своем дневнике, пока у меня была такая возможность. Все приемные родители в Великобритании должны вести ежедневные записи о жизни ребенка или детей, о которых заботятся. В таких записях речь идет о встречах, сведениях о здоровье детей и их благополучии, учебе, важных событиях и любых сведениях о прошлом детей, которые те могут предоставить. Помимо того, что дневник отображает успехи ребенка, он может выступать в качестве памятной записки. Когда ребенок покидает приемного родителя, эти записи собираются в файле социальной службы. Некоторые приемные родители печатают дневники на компьютере, но я – и тут я не одинока – предпочитаю вести их от руки и затем отправлять по электронной почте резюме как часть ежемесячного отчета социальному работнику ребенка и моему супервизору.

Я написала в отчете о том, как забрала Оскара из школы, указала, что он хорошо поел, отметила, как он переживает пребывание под опекой, добавив его комментарии – там, где это уместно. Отчет должен быть объективным, поэтому я не написала о своих предположениях о том, что в жизни Оскара

происходило гораздо больше, чем кто-либо знал. Пока что они были не более чем догадкой – время покажет, насколько она верна. Закончив с заметками, я положила папку с дневником в запирающийся ящик в гостиной к другим важным документам.

Поднявшись наверх, я тихонько проверила, как там Оскар. Он быстро заснул. После я некоторое время беседовала с Адрианом, Паулой и Люси. Они считали, что Оскар – милый мальчик, но выглядит очень обеспокоенным – «как будто на его плечах лежит тяжесть всего мира», сказала Паула. С учетом того, что Оскар только что попал под опеку, это было неудивительно, независимо от других вещей, которые могли случиться в его прошлом. Я сказала детям, что надеюсь, что со временем Оскар сможет расслабиться и будет выглядеть немного счастливее, как произошло с другими детьми, о которых мы заботились. Как правило, дети весьма устойчивы и адаптируются к переменам. Я считаю всех их маленькими героями.

Зная, что Оскар, вероятно, будет чувствовать себя в первую ночь у нас некомфортно, я отправилась спать сразу после десяти вечера. Я никогда не отключаюсь полностью, когда в доме появляется новый ребенок. Сплю вполглаза, прислушиваясь на случай, если он проснется, испуганный, не зная, где он, и нуждаясь в поддержке. Я проверила, как дела у Оскара, около двух ночи, и когда я встала в шесть утра, он все еще спал. Так он и проспал до семи, когда я мягко

разбудила его в школу.

– Где я? – спросил Оскар, садясь в постели.

– Ты у меня, в моем доме. Я Кэти, – сказала я спокойно.

– Ах да, я помню. – Он потер глаза.

Теперь я ждала, что он спросит, когда сможет увидеть свою маму, как делает в такой ситуации большинство детей. Он почти не упоминал о ней вчера вечером и сейчас тоже не стал этого делать. Просто встал, воспользовался туалетом, и потом я оставила его переодеваться в школьную форму, которую выстирала ночью. Сегодня я куплю ему форму на смену, так как одной мы не обойдемся, а пришлют ли Оскару вещи из дома и когда это сделают, неизвестно. Иногда родители отправляют вещи детей сразу – если они не слишком расстроены и злы из-за того, что их ребенка отправили под опеку – другие не делают этого, и тогда я заменяю комплект вещей.

Я ждала в коридоре, пока Оскар одевался, затем забрала его вниз завтракать, беседуя с ним и ободряя его. Хотя он не слишком много говорил, он по-прежнему выглядел встревоженным. Когда мы спустились, Адриан и Люси уже сидели за столом. Они поздоровались с Оскаром. Он посмотрел на них с опаской. Пауле не нужно было уходить так рано, как Адриану и Люси, и она должна была спуститься через некоторое время. В будние дни члены моей семьи обычно сами готовят себе завтрак, а в выходные, когда у меня больше времени, я часто делаю завтрак на всех.

Прошлым вечером за ужином Оскар сел рядом с Адрианом, там, где я накрыла для него, но сегодня утром он, кажется, намеренно обошел это место и сел с другой стороны стола. Он устроился рядом с Люси, которая сидела от Адриана дальше всех. «Это честь для меня», – улыбаясь, сказала Люси, также заметив, что Оскар пересел. Обычно рядом с Люси было место Паулы, но Паула не будет против.

– Что ты хочешь на завтрак? – спросила я Оскара. – Овсяные хлопья, тост, йогурт, фрукты?

Оскар выглядел сбитым с толку.

– Хочешь посмотреть, что у нас есть? – предложила я.

– Ты можешь выбрать, что захочешь, – подсказала Люси, видя, что Оскар по-прежнему сидит неподвижно.

– В пределах разумного, – добавила я. Я не собиралась позволять ему есть на завтрак шоколадный батончик и пить газированную воду, как привыкли делать некоторые дети, о которых мне приходилось заботиться. От приемных родителей ожидают, что они будут обеспечивать здоровой и питательной едой свою семью и детей, которые им поручены.

Оскар тихо соскользнул со стула и пошел в кухню. Там я открыла дверцы шкафа и холодильника, чтобы показать ему, что у нас есть. Непохоже было, чтобы он увидел что-нибудь, что ему бы понравилось. Я открыла хлебницу. «Может, тост?»

– Я ем булочки, немного похожие на эти, – сказал Оскар, указывая на выпечку. Однако он явно привык к каким-то

другим булочкам. Я вынула пакет булочек из непросянной муки.

– Хочешь съесть их сейчас? А потом, после школы, мы можем пойти в супермаркет, и ты покажешь мне, что ты любишь есть.

Оскар кивнул.

– Сколько булочек ты хочешь?

– Одну, – сказал он.

– С какой начинкой?

Я показала ему начинки, и Оскар выбрал ветчину и кусочек сыра, а из напитков – апельсиновый сок. К тому времени, как он сел за стол, Адриан и Люси уже уходили собираться на работу. Я взяла свой кофе и сидела с Оскаром, пока он ел. Очень скоро запах ветчины привлек Сэмми, который вошел в кухню, дергая носом. Я погладила кота, следя за тем, чтобы он не прыгнул на стол и не украл ветчину – иногда он пытался проделывать подобное.

– Вы любите этого кота? – спросил меня Оскар.

– Да. – Я улыбнулась. – Он как член нашей семьи. А у тебя есть питомец?

– В моем доме... – начал Оскар и запнулся.

– Да, дорогой?

Но Оскар продолжил молча есть, очевидно, решив больше не обсуждать эту тему. Затем он спросил:

– Мы можем пойти в школу сейчас?

– Когда ты закончишь завтракать. Мы не спешим.

Пришла Паула, поздоровалась с нами и взяла себе завтрак. Она села рядом со мной, и мы немного поговорили о том, как у нее дела в колледже, пока Оскар доедал свою булочку и допивал сок.

– Мы можем пойти в школу сейчас? – спросил он снова, едва закончив.

– Да, но у нас в запасе много времени. Мы не опоздаем. – Раньше он часто опаздывал в школу, так что я догадалась, что это тревожило его.

– Удачи! – сказала Паула, когда мы с Оскаром вышли из-за стола.

– И тебе, дорогая, – ответила я.

Я повела Оскара наверх умыться, вымыть руки и почистить зубы, после чего мы опять спустились вниз, оделись и обулись. Оскар оказался очень самостоятельным и не слишком нуждался в моей помощи для того, чтобы одеться.

– Мы едем в школу? – спросил он у меня, когда мы сели в машину.

– Да, не беспокойся, мы не опоздаем.

Когда мы поехали, он спросил меня об этом еще раз, и я сказала:

– Мы едем в школу, но другой дорогой, не той, к которой ты привык, так как я живу в другой части города.

– Мне нравится школа, – проговорил Оскар.

– Хорошо, я рада.

– Мне нравится школа, – повторил он минутой позже. –

Я бы хотел остаться там.

Я бросила на него взгляд в зеркало заднего вида. Оскар выглядывал в окно, хмурый и погруженный в глубокую задумчивость, как с ним часто бывало.

– Почему тебе больше нравится в школе, чем дома? – мягко спросила я.

Многие дети любят школу, но когда ребенок предпочитает ее дому, это необычно и даже вызывает беспокойство. Мне случалось заботиться о детях, которые рассказывали о жестоком обращении с ними, когда мы ехали в машине. Я думаю, так проще – когда ты не смотришь кому-то в лицо, рассказывая о чем-то, что причинило тебе боль. Как написать об этом или исповедаться в дневнике легче, чем сказать вслух.

Оскар не ответил, по-прежнему хмурясь и выглядывая из окна.

– Почему школа лучше, чем твой дом? – снова спросила я осторожно, не отрывая взгляда от дороги. – Как думаешь, почему так может быть?

– Моя учительница очень хорошая, – предположил Оскар.

– Да, она очень хорошая, – согласилась я. Хотя одного этого недостаточно для того, чтобы ребенок любил школу больше, чем свой дом.

– А люди у тебя дома хорошие? – спросила я.

Он не ответил, но когда я опять посмотрела в зеркало заднего вида, то увидела, что Оскар незаметно покачал головой

и нахмурился сильнее.

– Оскар, милый, скажи, есть ли что-то в твоей жизни дома, что тебя тревожит и о чем ты можешь рассказать мне? Я знаю, что вчера ты смог кое-что рассказать мисс Джордан, и это было очень смело с твоей стороны. Есть ли еще что-то, что ты хочешь сказать?

Оскар молчал.

– Если так, ты знаешь, что можешь поговорить об этом со мной или с мисс Джордан. Мы обе рядом для того, чтобы помочь тебе.

Однако Оскар сменил тему.

– Вот тот кот похож на Сэмми, – сказал он, указывая за окно.

– Да, похож, – согласилась я.

Я припарковалась у школы Оскара, и он поспешил вылезти из машины. Его лицо немного утратило встревоженное выражение. Как только мы вошли во двор, появилась мисс Джордан и направилась прямо к нам. Думаю, она ждала нас.

– Моя учительница! – восторженно воскликнул Оскар.

– Как дела, Оскар? – взволнованно спросила мисс Джордан. Я знаю, что учителя не должны поощрять физический контакт между ними и учениками, однако мисс Джордан позволила Оскару обнять ее.

– У него все хорошо, – сказала я. – Он хорошо спал ночью

и хорошо ест.

– Я так рада. Я не спала всю ночь, так беспокоилась за него.

О, я ее прекрасно понимала!

– Сейчас он выглядит лучше, не таким усталым, – сказала мисс Джордан. Я была согласна с ней – темные круги у Оскара под глазами исчезли. – Вы могли бы пройти на ресепшен? Секретарю нужно внести ваши контакты в базу данных. Вчера на это не было времени.

– Да. Мне также нужно купить Оскару еще одну школьную форму, – сказала я.

– Возможно, вам не понадобится ее покупать. Дядя Оскара, мистер Новак, только что принес большую сумку с вещами.

– Правда? Так скоро. – Я была удивлена, но рада, что к Оскару вернется часть его вещей.

Мы прошли за мисс Джордан к ресепшену, и там она познакомила меня со школьным секретарем и подождала, пока я заполню необходимые формы, беседуя с Оскаром. Я спросила секретаря, оплачены ли школьные обеды Оскара. Когда ребенка отправляют под опеку, забота об обедах ложится на плечи приемного родителя, и часто оказывается, что счет за них не подготовлен, так что я оплачиваю его на месте. Секретарь проверила в компьютере и сказала, что школьное питание Оскара оплачено до середины семестра и никаких просрочек не было.

Когда с формами было покончено, мисс Джордан ушла в кабинет и принесла большую сумку для белья, которую ей оставил мистер Новак.

– Вы справитесь с ней? – ставя сумку на пол рядом со мной, спросила она.

– Да, думаю, справлюсь, – ответила я, приподняв сумку. – У меня здесь машина. – Сумка была, скорее, громоздкой, чем тяжелой.

Оскар смотрел на сумку.

– Я отвезу ее домой и положу твои вещи в твоей спальне, – сказала я ему.

Оскар не ответил.

– Физкультурная форма Оскара и сумка с учебниками в классе, – проговорила мисс Джордан. – Я не трогала их вчера.

Я кивнула.

– Мы отдаем физкультурную форму ученикам раз в неделю, чтобы ее можно было постирать, а сумку с учебниками дети берут с собой каждый день после обеда, чтобы немного почитать дома. – Это была обычная практика для начальной школы.

– Где мне ждать Оскара по окончании занятий? – спросила я.

– Во дворе перед школой, там, откуда вы пришли, – ответила мисс Джордан. – Учителя собирают там свои классы. Утром дети приходят тоже оттуда. – И это также ничем не

отличалось от того, как все было устроено в других школах. – До начала занятий всего пять минут, так что Оскар может подождать со мной в моем классе, – предложила мисс Джордан.

– Спасибо.

Я попрощалась с Оскаром и сказала ему, что буду ждать его по окончании уроков во дворе.

– Я поеду с вами домой опять? – спросил он. Это заставило меня вспомнить о том, насколько растерянными чувствуют себя дети, оказавшиеся на попечении приемных родителей.

– Да, милый. Ты останешься со мной на некоторое время. Хорошего тебе дня. Увидимся после занятий.

Оскар ушел с мисс Джордан, а я взяла сумку с его вещами и вышла из здания. Я посмотрю, какую одежду прислали Оскару, прежде чем покупать новую школьную форму или какие-то повседневные вещи. Лучше, чтобы ребенок носил то, к чему привык и в чем ему комфортно.

Всего за пять минут до начала занятий школьный двор заполнили родители, воспитатели и дети. Двигаясь сквозь толпу к воротам с громоздкой сумкой для белья, бьющей меня по ноге, я услышала оклик:

– Кэти!

Обернувшись, я увидела Анджелу, еще одного приемного родителя. Мы были знакомы с ней со времен, когда посещали тренинг для приемных родителей и группу поддержки. Я

поставила сумку на землю, мы с Анджелой обнялись и поговорили немного. Оказалось, что Анджела сейчас заботится о брате с сестрой, которые ходят в ту же школу, что и Оскар, и, по словам Анджелы, должны были скоро вернуться домой к матери. Это было хорошо. То, что я наткнулась здесь на свою коллегу – приемного родителя, не было большим совпадением. Работая приемным родителем более двадцати пяти лет в одном и том же районе, я знала много коллег и периодически оказывалась на каком-нибудь из школьных дворов графства. Всегда здорово бывает увидеть знакомое лицо.

Когда раздался звонок к началу занятий, мы с Анджелой попрощались, и я, взяв сумку, продолжила путь к воротам. Пока я шла, мой взгляд упал на машину, припаркованную с противоположной стороны дороги. Я была уверена, что это та же черная машина, в которой сидели двое мужчин, что я видела прошлым вечером. Я не знала, была ли она здесь, когда мы с Оскаром пришли. Я смотрела тогда в другую сторону. Сейчас оба мужчины были там и смотрели на меня. Я прошла к своему автомобилю и, оказавшись внутри, нажала на кнопку блокировки дверей. Я сомневалась, что в черной машине был кто-то из родителей, пришедших в школу со своими детьми, – те находились бы в школьном дворе, высматривая своих детей. Возможно, один из мужчин – это мистер Новак, который привез вещи Оскара.

Я завела машину и уехала, а черный автомобиль двинулся в другую сторону. Если они снова окажутся здесь сегодня

после уроков, я спрошу мисс Джордан или школьного секретаря, знают ли они, кто это. Иногда детей, отправленных под опеку, похищает кто-то из членов семьи, пока ребенок находится за пределами школы. В таком случае приемным родителям советуют не сопротивляться, рискуя получить травму, а отпустить ребенка и немедленно позвонить в социальную службу и полицию. К счастью, подобное нечасто случается, и мне никогда не приходилось с этим сталкиваться. Но, конечно, все когда-то бывает в первый раз. Так что мне следовало быть начеку, чтобы, если потребуется, защитить Оскара.

Глава четвертая

Подавленный и напряженный

Оказавшись дома, я все еще чувствовала себя неудобно из-за мужчин, поджидавших около школы. Не узнай их Оскар днем ранее и не отрицай этого потом, вероятно, их образ не крутился бы у меня в голове, но Оскар их узнал – я была уверена в этом. Однако, понимая, что, скорее всего, меня ожидает тяжелый день, я подумала, что сейчас более разумно будет заняться сумкой Оскара.

Первые несколько дней, когда ребенок оказывается под опекой, обычно очень загружены, и я предполагала, что мне придется уделить много времени разговорам по телефону.

Я втащила сумку наверх и отнесла ее по коридору в комнату Оскара. Был прекрасный весенний день, солнце светило в окно спальни. Приоткрыв окно, я расстегнула сумку и принялась перебирать вещи, лежавшие внутри.

Как по мне, содержимое сумки выглядело так, словно тот, кто ее паковал, попросту пошвырял туда всю одежду Оскара, какая попалась ему под руку. Часть вещей нуждалась в стирке, и я отложила их в сторону; другие были чистыми, но не глаженными. Имелась пара пижам, казавшихся слишком маленькими для Оскара, пара серых школьных брюк, поношенные синие брюки для бега, непарные носки (которые я

разобрала), несколько пар трусов, жилет, куртка на молнии, новые кроссовки и старое банное полотенце. Еще в сумке нашлись четыре пластиковые машинки.

В общем, это был скудный и довольно грустный набор вещей, однако я начала раскладывать чистую одежду по ящикам, а игрушечные машинки положила на полку в комнате Оскара. Как приемный родитель, желая лучшего для ребенка, я испытывала большое искушение выбросить старые вещи и купить ему новых взамен. Я в самом деле куплю Оскару много новой одежды и игрушек, однако от старых избавляться не буду: они – живое напоминание о его доме и воплощение связи с семьей, и, кроме того, по закону эти вещи принадлежат его матери.

Забрав из сумки чистую одежду, я сгребла остальное и отнесла вниз, где положила в стиральную машину к другому белью. И вовремя: едва запустилась стирка, как зазвонил мой домашний телефон. Я ответила из кухни. Это оказался Эндрю – социальный работник, закрепленный за Оскаром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.